

The First World War as a Factor of the Political Infantilism of the Russian Intelligentsia

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^a , *, Denis N. Gergilev ^a, Larisa F. Malyutina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The First World War, its influence on the creative intellectual society and the attitude of this society to military events are the main issues raised in this article during the research. The article contains the facts from the biographies of the most prominent representatives of the creative intellectual society who are directly related to military events. Used sources such as archival documents, diaries, and memories show that the initial enthusiastic perception of war, as the current events unfold, changes to moods of skepticism and frustration. In the course of the analysis of the actual material, a picture of an ambiguous attitude to the war was revealed, and even among its supporters. In general, the attitude to the war among the intellectual society ranged from its full acceptance to its complete denial. The intellectual society of Siberia, in this respect, did not show originality repeating the trends characteristic of the Russian region. Few representatives of the intellectual society took a real part in the military activity. Basically, their activities were limited to articles in periodicals, reading poems at various meetings, raising funds for the benefit of the wounded, and opening lazarets and hospitals. Due to their disunity and isolation from the realities of life, the creative intellectual society could not significantly influence the socio-political situation in the country and accordingly fulfill the voluntarily assigned function to determine the future path of development for Russia.

Keywords: intelligentsia, creativity, culture, political infantilism, Russia, Siberia, World War I .

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), turilak@yandex (D.N. Gergilev), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

1. Введение

Русская творческая интеллигенция рубежа столетий отводила себе, поистине, мессианскую роль, возлагая на себя ответственность в определении дальнейших путей развития России. В её сознании превалировало убеждение, что только искусство, суммируя явления типичные, может создать обобщающую картину действительности, проанализировав характер происходящих в обществе изменений. После неудачной войны с Японией и поражения первой русской революции интеллигенция находилась в состоянии растерянности и неопределенности. Не понимая до конца смысла произошедших событий, оторванная от реальной жизни, она находилась в мучительном поиске своего места на исторической сцене России. Решению для интеллигенции «рокового вопроса...- замкнуться в себе, развивая круг эстетических, утонченных ощущений..., или расширить и углубить наши внутренние переживания, не бояться жизни и стать - реально нужными» (Милиоти, 1909: 5) помогло событие огромной исторической важности: Первая мировая война, которая глобально затронула все сферы жизни воюющих стран. Петербург встретил объявление войны патриотическими демонстрациями, организованными властями, антивоенными манифестациями с красными флагами, погромами немецких лавок и магазинов, сменой вывесок с немецкого языка на русский. «По улицам солдаты с котелками. Многие жертвуют на флот – сидит даже военный у кружки» (Чуковский, 1991: 69). Но уже скоро восторженные чувства по поводу первых успехов на фронте стали перемежаться тревожными слухами о нехватке снарядов на фронте, о предательстве в кругах правящей элиты и некомпетентности генералов. В столицу стали прибывать первые эшелоны с ранеными, открывались лазареты и пункты сбора пожертвований, в которых поэты читали стихи о войне. Но в целом приподнятое патриотическое настроение захлестнуло практически все слои общества. От интеллигенции начавшаяся война потребовала, прежде

всего, переосмысления ценностных ориентиров и определения своего отношения к происходящему. Опыт периода революции 1905 г. показал, что насилие как форма разрешения конфликта было для художественной интеллигенции не приемлемо (Gryaznukhina et al., 2017 a: 625, 627). С началом же войны пацифистские настроения интеллигенции вступают в противоречие с чувством патриотизма, требующим ведения войны до победного конца. Попытки некоторых представителей художественной интеллигенции выработать единую позицию по отношению к начавшейся войне, приемлемую для всех, также не имели успеха. Разобщенность творческой элиты была обусловлена, еще и тем, что в её рядах были высокоодаренные талантливейшие люди эпохи, яркие индивидуальности, имевшие своё оригинальное видение и понимание действительности и не желавшие идти на поводу мнений других выдающихся личностей.

2. Материалы и методы

2.1. При анализе поставленной в данной статье проблемы в качестве источников были использованы документы государственных архивов Омской и Иркутской областей, воспоминания, дневники представителей творческой интеллигенции, публицистика, художественные произведения.

2.2. Анализ, синтез, обобщение являются основными методами, использованными при освещении данной проблемы. Исследование общероссийских социально-политических процессов периода Первой мировой войны соответствует использованию метода историзма. Историко-биографический метод дает возможность представить произошедшие события исследуемого периода через призму их восприятия современниками той эпохи. Сравнить процессы, происходившие в России и Сибири, позволяет сравнительно-исторический метод. Анализ событий периода войны, рассмотренный в их последовательности соответствует проблемно-хронологическому методу исследования.

3. Обсуждение

Первая мировая война, завершив целую эпоху, непосредственным образом затронула творческую деятельность интеллигенции. Помощь в более объективном понимании происходивших в обществе изменений могут оказать свидетельства представителей интеллигенции, которые являлись участниками событий Первой мировой войны. Использование журнальных статей, дневников, мемуарной литературы, художественных произведений даёт возможность полнее и объективнее представить сложившуюся на тот момент в России политическую ситуацию. В этом плане большой интерес для исследования представляют воспоминания Ф. Шаляпина (Шаляпин, 1991), дневники К. Сомова (Сомов, 1979), З. Гиппиус (Гиппиус, 1999, Гиппиус, 1991), К. Чуковского (Чуковский, 1991), А. Блока (Блок, 1989), военная корреспонденция В. Брюсова (Брюсов, 2014), очерки А. Белого (Белый, 2014), Ф. Сологуба (Сологуб, 2014). Л. Андреева (Андреев, 2014). Информация о жизни и деятельности таких выдающихся представителей российской интеллигенции, как И. Бунин, А. Куприн, А. Толстой, В. Маяковский, А. Блок, С. Есенин, М. Горький, Н. Гумилев, сведения об их отношении к военным событиям, представлены в монографиях О. Михайлова (Михайлов, 2002), С. Боровикова (Боровиков, 1984), В. Лукницкой (Лукницкая, 1990), Ю. Прокушева (Прокушев, 1989), В. Орлова (Орлов, 1980). Несомненный интерес для исследования данной темы представляет творчество омского писателя А. Сорокина (Сорокин, 1987).

Российский взгляд на участие страны в мировой войне 1914-1918 гг. представлен в альманахе «Великая война», составленном членами ассоциации историков Первой мировой войны (Альманах, 2013). Под эгидой ИМЛИ РАН вышли сборники периодики, публицистики и литературы в контексте войны (Сборник, 2013, Сборник, 2014). Они включают в себя статьи, документы, научные доклады, в которых затрагиваются различные аспекты восприятия войны представителями творческой элиты, анализируется отражение военных событий в печати и литературных произведениях.

Отношения русских символистов к войне рассматриваются в монографии финского ученого Бена Хеллмана (Hellman, 1997). Ему же принадлежит статья, написанная в соавторстве с М. Козьменко, посвященная творчеству Л. Андреева военного периода (Хеллман, Козьменко, 2014). Немецко-французский историк Юта Шеррер на базе методов школы «Анналов» проанализировала эволюцию взглядов столичных российских интеллигентов через призму их участия в религиозно-философском обществе в том числе в период Первой мировой войны (Scherrer, 1973).

Эпистолярное наследие, воспоминания и публицистика времен Первой мировой войны, уже написанные труды и монографии безусловно являются ценными источниками при освещении той эпохи. В то же время они требуют к себе нового внимания, которое заключается в поиске и использовании современных методологических подходов при анализе исследуемой эпохи. Это представляет собой основную задачу для современных исследователей, в ходе решения которой должно быть составлено максимально объективное представление о всех событиях Первой мировой войны.

4. Результаты

Творческая интеллигенция России в условиях начавшейся Первой мировой войны не могла остаться в стороне от всеобщей интеллигентской рефлексии этого глобального события. От имени символистов, которые представляли влиятельнейшее течение рубежа столетий, заговорил Федор Сологуб. Он заявил о том, что вместе со всей Россией поэты-символисты принимают войну. «Мы вступили в период решительной борьбы за наше национальное самоутверждение, за самое право наше на жизнь» (Сологуб, 2014: 33). Войну он воспринимал как «величайшее социальное жертвоприношение» (Сологуб, 2014: 83). Главную задачу искусства поэт видел в поддержке в обществе патриотического настроения. Активно публикуясь, ни разу не выезжая на фронт, он, тем не менее, создал определенный образ войны в русском общественном мнении. Война рассматривалась им как возможный путь к новой обновлённой России, который через горе и страдание вёл к обновлению и

очищению, так как «в явлении войны мировое зло само себя истощает и преобразуется в некоторую форму положительного блага». Отвлеченные рассуждения поэта о том, что энергия зла должна преобразиться «в наивысшую степень гражданской доблести», а искусство должно подготовить душу человека к восприятию «трагического очищения» выглядят оторванными от тех реалий, которые происходили действительно в жизни (Сологуб, 2014: 91). Анализируя отношение к войне простого народа, Сологуб писал о том, что «мужик пошел на войну, как на высокое и трудное дело, дело защиты родины от напавшего врага». С интеллигенцией было всё гораздо сложнее. Тысячью нитями она срослась с культурой Германии. И «острие меча режет по живому месту, и нам больно». Трагедию интеллигенции он усматривал в том, что перед ней стоял вопрос: «Кто милее: Европа или Россия? Где наша истинная родина? В степях восточной Европы или в парках Версаля?» (Сологуб, 2014: 39, 40). Однозначного ответа у большинства представителей творческой интеллигенции на этот вопрос не было, та или иная позиция принималась с какими-то ограничениями, оговорками, условностями. В стремительном нагромождении событий человеку далекому от политики разобраться было порой очень трудно. Сопоставляя всё происходящее со своей фактической жизнью, Андрей Белый начало войны воспринял как личную трагедию. «Столкновение двух культур, душ и рас расколело нам душу» (Белый, 2014: 201). Оторванный от России, находясь постоянно в подавленном угнетённом состоянии, первые военные годы он совсем не мог работать. Для поэта, прекрасно знавшего философию, искусство Германии, в тонкостях знавшего немецкий язык, русская и немецкая культуры были неотделимы одна от другой. И чем стремительнее разворачивались военные действия, тем болезненнее была его реакция на окружающее.

Двойственным было отношение к войне у Зинаиды Гиппиус. Разделяя гуманистические ценности, войну в целом она не принимала. И в то же время «практически» она её признает. В своем дневнике она писала, что именно эту войну надо принять, «на войну нужно идти». Война необходима, прежде всего,

«для самой Германии», так как, только победив Германию, можно освободить её «порабощенную живую душу» (Гиппиус, 2014: 633, 635). Приоритет духовной свободы России над механизированным прагматизмом Германии для неё очевиден. И именно им определялось отношение Гиппиус к войне.

Не менее сложным было отношение к войне у Вячеслава Иванова. Осознавая масштабность и трагичность происходящих событий, он понимал, что они могут быть губительны. Но в то же время они могут быть и оправданы тем, что ставят общество перед необходимостью пересмотра ценностных ориентиров. Очевидное преимущество русской культуры над немецкой видится ему в духовной свободе русской культуры. Необходимость войны в этой связи рассматривается поэтом как способ утверждения этого преимущества. Миссия России при этом связана, в его понимании, с божьей волей.

Отношение к начавшейся войне Леонида Андреева, напротив, было однозначным. Никаких сомнений в верности своей позиции у него не возникало. Писатель твердо и чётко заявлял: «Мы приняли войну как необходимость – и мы приняли её без колебаний». В этом он вполне солидарен с Сологубом. Признавая, «что война есть страшнейшее из зол», он в то же время утверждал, что это «из всех необходимостей – самая печальная» (Андреев, 2014: 586, 587). Поэт призвал прекратить все разногласия с властью и объединиться вокруг правительства, содействуя успеху в войне. Германия для него являлась олицетворением деспотизма и поэтому ради свободы и демократии нужно «стоять за войну до самого конца», так как русский дух всегда стремится к свободе, немецкий – к «порабощению и военным поселениям» (Андреев, 2014: 582). По его мнению, наступило такое время, когда нельзя оставаться сторонним наблюдателем: каждый должен внести свою лепту в дело победы, если не фактическими делами, то эмоциональной поддержкой. Сам писатель продолжал писать и часть прибыли от своих изданий перечислял сербским воинам. Тем не менее, реальная жизнь вносила коррективы в восприятие войны Андреевым; наступает время, когда больше нельзя было не замечать её разрушительного действия и это повергло его в

отчаяние. Для Константина Бальмонта война, которую он принял безоговорочно, также была единственной возможностью защитить ценности европейской цивилизации от постоянной опасности, которая угрожала им со стороны Германии. Россия, по его мнению, просто обязана была принять этот вызов, сделанный немцами.

На фоне восторженных патриотических настроений одиноко выглядела фигура А. Блока. И если для Гиппиус, Мережковского, Философова, разделявших идеи пацифизма, были возможны какие-то оправдания для войны, то для Блока компромисса в этом вопросе не было. Война для него – это логическое завершение политики, проводимой правительством. Никаких вопросов, по его мнению, решить война не способна. После неудач на фронте патриотических настроений в обществе явно поубавилось. И чтобы хоть как-то поднять патриотический дух при содействии правительства в 1916 г. была организована газета «Русская воля». Редактором ее стал Л. Андреев. К сотрудничеству он приглашал всех известных писателей, обещал солидные гонорары. На приглашение откликнулись Куприн, Бунин, Амфитеатров. Блок приглашения не принял.

Непосредственное деятельное участие в войне принял В. Брюсов, который отправился на фронт корреспондентом. Драматические события военных действий находят отражение в его очерках. Будучи талантливым писателем, он смог донести до читателя своё ощущение войны. По дороге на фронт он общался с попутчиками, которые «говорят разным языком и на разных языках, но все одинаково трезво смотрят на события, не обольщаются излишними надеждами, но и ни на миг не теряют веры в успех» (Брюсов, 2014: 264). Трезвым этот взгляд был в понимании Брюсова, так как разделявший оптимистические надежды, он пока еще верил в быстрый исход войны. Прощаясь со случайно встретившимся на одной из станций художником М. Ларионовым, ехавшим в распоряжение своей части, он высказал надежду на скорую встречу с ним в Берлине (Брюсов, 2014: 265). Публикации поэта вызывали большой интерес у читающей публики, так как от его внимательного

взгляда не ускользали порой даже мелкие детали военного быта. Так очень подробно он описывал «блестящее» оборудование лазаретов и госпиталей, в которых местное население и медицинский персонал, охваченные единым патриотическим порывом, окружали больных солдат «заботами и вниманием» (Брюсов, 2014: 273). Такие подробные описания несомненно представляют особую ценность и для современных исследователей Первой мировой войны. Брюсова интересует не только военный быт, но и «психология участников боя», хотя он и оговаривается, что «вряд ли теперь время вникать в эту психологию» (Брюсов, 2014: 268). Но всё же он делает вывод, что ко всему человек привыкает и к ужасам войны тоже. Смерть уже не воспринимается как нечто неординарное. Захоронение убитых становится явлением обыденным. И это само по себе страшно. Не обходит он вниманием зверства немецкой армии: «факты вопиют и их слишком много, чтобы в них сомневаться» (Брюсов, 2014: 317). Постепенно, по мере более глубокого понимания сути происходящего, надежды поэта на быстротечность и победоносность войны сменяются более сдержанными оценками событий. Переломным моментом в отношении к войне не только для Брюсова, но и для всей творческой интеллигенции явился 1915 год, когда русская армия понесла колоссальные потери. Проявления жестокости, случаи вандализма и мародерства безвозвратно рассеяли романтический облик войны даже у тех, у кого он еще сохранялся. Как видно, желаемого единства во взглядах на войну среди писателей-символистов не получилось. Стремление увидеть Россию возрожденной и обновленной было у всех, но пути к этой цели виделись по-разному.

Демократическое крыло русской литературы во многом определялось позицией М. Горького, который, наконец, вернулся на родину с острова Капри. Начавшуюся войну он воспринял как мировую катастрофу. Культура для писателя всегда являлась главной ценностью. Духовные же ценности, в его понимании, не знают национальных границ, они едины для всех народов. Соответственно война для Горького как фактор, разрушающий эти ценности, была вне всякого нравственного закона. «Война – явление позорное и глупое,

не говоря о её преступности; война – это праздник той глупости, против которой так долго боролось разумное человечество, в том числе и немцы» (Горький, 2007: 274). Горький предупреждал об опасности ослепления ненавистью, в котором может погибнуть наследие немецкой культуры. Он заявлял, что не нужно уподобляться немецкому вандализму. В этом плане он решительно выступил против взглядов Ф. Сологуба, Л. Андреева, А. Куприна. Взывая к разуму, он предлагал не разжигать чувство ненависти. Голосом Горького стал журнал «Летопись», вокруг которого он смог объединить своих единомышленников. На страницах журнала печатались, а значит, во многом и разделяли его взгляды А. Блок, И. Бунин, Ф. Гладков, В. Шишков, В. Маяковский. Высшей ценностью, в представлении Горького-гуманиста, являлся человек. И поэтому война, уничтожая человека физически и разлагая нравственно, не могла иметь никаких оправданий. Такая позиция требовала определенного мужества; выступления писателя не только подвергались критике, но и целенаправленно организовывалась его травля. По свидетельству Чуковского в 1916 г. ему присылали не только угрозы, но даже веревку с петлёй (Чуковский, 1991: 439).

Начавшаяся война всецело поглотила внимание И. Бунина, его дни начинались и заканчивались просмотром газетных статей о военных событиях. Принеся с собой «великое душевное разочарование», война заставила писателя задуматься о многом и переоценить ценности (Бабореко, 1983: 245). Всегда волновавший Бунина вопрос о роли народа и интеллигенции в истории России, об их взаимоотношениях снова встаёт перед ним уже в контексте происходящих событий. С упорной настойчивостью он разоблачает миф о народном патриотизме, утверждая, что народу война давно надоела, и он не понимает, за что воюет. Являясь противником войны и всего, что с нею связано, Бунин выразил свои взгляды в написанном им воззвании, которое в сентябре 1914 г. было опубликовано в газетах. Оно представляло собой обращение, составленное от имени писателей, художников и артистов (Русские ведомости, 1914, 28 сент.). И. Бунин, М. Горький, К. Коровин, В. Васнецов,

С. Коненков, Ф. Шаляпин, К. Станиславский, Л. Собинов, В. Немирович-Данченко и другие представители творческой интеллигенции протестовали против зверств и насилия немцев, которых сравнивали с дикими варварами, погубившими античный мир. Опасаясь, что справедливое чувство ненависти может перекинуться на всё великое, что было создано немецкой культурой в прошлом, они предостерегали от этого гибельного пути. Само обращение было встречено неоднозначно. Критике и довольно жесткой подверг его Л. Андреев, указывая, что оно составлено невнятно и нерешительно (Андреев, 2014: 610). Он не верил, что подписавшиеся думали и чувствовали именно так. Писателю хочется верить, что на самом деле они думали и чувствовали «гораздо больше, сильнее и ярче, чем это дано в заявлении» (Андреев, 2014: 612). Действительно обращение выглядит несколько витиевато и, в силу этого, не совсем убедительно. Скорее всего, оно продемонстрировало неудавшуюся попытку найти некую платформу для объединения творческих сил интеллигенции столь разной и непохожей в своем восприятии происходящих событий. Вероятно поэтому, обращение, опубликованное в московских газетах, петербургские издания печатать не стали. По мнению Бунина, война привела к печальному итогу: страна была брошена «на полный произвол судьбы» и в ней установилась «беспричинная праздность и противоестественная свобода» (Михайлов, 2002: 296).

Общность восприятия каких-либо явлений или событий способна иногда примирить, казалось бы, людей непримиримых. Так произошло с двумя великими поэтами эпохи. В спорах об искусстве, его роли и течениях, о России и её народе В. Маяковский и С. Есенин занимали разные позиции. И бывало, что очень резко высказывались друг о друге. Но по отношению к войне они стояли по одну сторону баррикады. Сам Маяковский утверждал, что сейчас не время споров об искусстве. Поэзия должна быть деятельной. Стихи, разоблачающие агрессивную сущность войны, должны быть услышаны народом. И поэтому читаться они должны на собраниях, митингах, манифестациях. По мере развития событий перед ним «вплотную встал

военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней». «Чтобы сказать о войне – надо её видеть» (Маяковский, 1987: 35). Поэт пытался записаться добровольцем, но его не брали на фронт, так как он считался неблагонадёжным.

С. Есенин на военные события откликнулся поэмой «Галки», в которой писал о неудачах на фронте, о бедственном положении солдат, о трагической сущности войны, несущей смерть и разрушение. Поэму предполагалось опубликовать в суриковском журнале «Друг народа». С самого начала войны писатели-самоучки, члены кружка, выступили против войны. Есенин был очень близок к кружковцам, занимал должность секретаря. Несмотря на свою любовь к родине, поэт к войне и воинствующему патриотизму всегда относился отрицательно. Цензура поэму «Галки» не пропустила, и напечатать ее поэту так и не удалось. Антивоенная направленность произведения никак не согласовывалась с официальной правительственной идеологией.

Для поэтов-акмеистов цензурные преграды отсутствовали. Они так же искренне любили Россию, переживали за её судьбу, но для них было «поистине светло и свято дело величавое войны» (Гумилев, 1991: 172). Как же по-разному, испытывая одни и те же чувства можно было относиться к происходящему. «Форсировано и демонстративно патриотичен» был Сергей Городецкий, «восхищавшийся мобилизацией в деревне», радовавшийся разгрому немецкого посольства (Чуковский, 1991: 68). Н. Гумилев, в политике не разбираясь, проявляет активность, он идет на улицу, чтобы всё увидеть и понять лично: участвует в манифестациях в поддержку Сербии, присутствует при разгроме немецкого посольства и верит, что придет день, и русские войдут в Берлин. Пройдет немало времени, когда будет уже приобретен опыт фронтовой жизни, и Гумилев, наконец, поймет всю бессмысленность войны. А в её начале он был одним из немногих, кто пошел защищать отечество, хотя из-за болезни глаз он мог избежать мобилизации и остаться в тылу. И немало усилий пришлось ему приложить, чтобы его приняли добровольцем. Так проявился патриотический порыв поэта. Чуковский в своих дневниках упоминал о разговоре с поэтом Бенем Лившицем, который добровольцем в

1914 г. ушел на фронт, был ранен и удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Вспоминая войну, Лившиц заявлял: «только мы двое честно отнеслись к войне: я и Гумилев. Мы пошли в армию – и сражались. Остальные поступили как мошенники» (Чуковский, 1991: 390). Не вдаваясь в справедливость высказывания Лившица в целом (известно, например, что с началом войны в армии служил Куприн, но был демобилизован по состоянию здоровья на следующий год службы) необходимо отметить ту высокую оценку, которую он дает поступку Гумилева, награжденному дважды Георгиевским крестом. Принимая непосредственное участие в боях, поэт успевал посылать материалы в газету «Биржевые ведомости» (Лукницкая, 1990: 179). Его публикации печатались целый год, знакомя читателей с буднями военной жизни, без прикрас и преувеличений, просто и деловито.

Корреспондентом «Русских ведомостей» был на фронте и Алексей Толстой. Как и многие его соратники по перу войну он принял восторженно. «Переворот произошел в один день, к вечеру мы стали крепким, решительным, чистым народом» (Толстой, 1949: 9). Война становится основной темой его творчества. Она помогла ему понять подлинную жизнь. Свой патриотический долг писатель видел, прежде всего, в правдивом отображении войны. Описывая сожженные города и села, разорение простого народа, героические поступки неизвестных солдат, стремясь понять психологию человека на войне, он стал по-другому осмысливать происходившее. И если раньше в одном из писем он писал: «...что это мировая война, в которой погибнет наша цивилизация и настанет, наконец, прекрасный век» (Толстой, 1989: 213), то теперь наступает время разочарований. Действительность не оправдала его ожиданий на очистительную силу войны. Последовавшее разочарование стало логическим завершением его заблуждений. Нравственного возрождения человека на войне не произошло.

Стремление сочетать свой профессиональный труд с реальной помощью тем, кто в ней нуждался было далеко не у всех представителей творческой интеллигенции. Часто время проводилось в поисках каких-то смыслов,

обоснованиях, несущественных в целом спорах, имеющих определенный смысл только для их участников. Для определенной части интеллигенции патриотизм стал просто модой, чтобы быть модным, нужно было читать стихи о войне. Один такой вечер, организованный Чеботаревской, женой Сологуба, описывает в своем дневнике К. Сомов. Он отмечает большое скопление поэтов, читавших патриотические стихи, звучавшие правда банально и фальшиво. Сомов выделил два антивоенных стихотворения И. Северянина, несмотря на его самолюбование и «гостинодворский парфюмированный шик» (Сомов, 1979: 138). Подобные вечера проводились и в салоне Мережковских. А вот в понимании Блока пролитие крови на фронте и чтение стихов в тыловых салонах вещи несопоставимые. Поэт принимал участие лишь в литературных вечерах в пользу раненых. Его стремление быть реально нужным реализовалось в сборе пожертвований для семей мобилизованных. Жена Блока, Любовь Дмитриевна, после окончания медицинских курсов, отправилась на фронт лечить раненых. Ф. Шаляпин, «желая, так или иначе, быть полезным и оправдать...отсутствие в траншее», открыл в столицах два госпиталя общей численностью в 80 человек. Лазареты были хорошо оборудованы. Содержались солдаты на средства певца. «Врачи за работу в госпиталях денег не брали». В течение всей войны в работе им помогала вся семья Шаляпина, который посещал своих подопечных, «иногда развлекал пением». Беседуя с ними, он приходит к печальному убеждению, «что люди эти не знают, за что собственно, сражаются». Это открытие обескураживает его. А восхищает и удивляет то, что при отсутствии понимания смысла происходящего у них наблюдается «безропотная готовность делать свое дело...» (Шаляпин, 1991: 150).

Откликнулись на военные события и художники объединения «Мир искусства». Собираясь на квартире у Рериха, Бенуа, Добужинский, братья Лансаре, Фомин, Нарбут, обсуждали вопрос, каким образом можно помочь фронту (Сомов, 1979: 135). Было решено провести аукцион своих произведений, который состоялся в октябре 1914 г. Продажа картин на аукционе шла бойко, поэтому в ноябре на вырученные деньги был уже открыт

лазарет для раненых. Параллельно проводились выставки, при посещении которых плата за вход не бралась, но стояла кружка для сбора денег на нужды раненых (Сомов, 1979: 134). Собираясь вместе, художники вели «разговоры о войне, о патриотизме тупом и мелочном наших интеллигентов и полуинтеллигентов, инспирированных грубыми военными статьями, о патриотизме настоящем...» (Сомов, 1979: 133-135). Разговоры эти носили в основном пессимистический характер. Дневники Сомова дают наглядное представление о том, чем жила творческая элита во время войны. Обеды, вечера, прогулки в парке, посещение выставок и театров и бесконечные споры «на тему о войне и будущих судьбах России» споры «ненужные и бесполезные с людьми неинтересными». Даже Новогодний праздник 1916 г. у Бенуа закончился «грандиозным спором на тему войны», где «все горячились и кричали» (Сомов, 1979: 140, 152). Отношение Сомова к войне как к «проклятой», «грубой, несправедливой, ненавистной грязной бойне» (Сомов, 1979: 162) не мешало ему и всей творческой элите в целом вести привычный довоенный образ жизни.

Свой голос против войны, в защиту мира подал из далекого сибирского Омска писатель Антон Сорокин. «Развитие культуры Сибири во многом определялось культурно-историческими процессами, происходившими в центральной России, а в качестве проводников этих процессов чаще всего выступала интеллигенция» (Gryaznukhina et al., 2017 b: 812) А. Сорокин как представитель сибирской творческой интеллигенции был личностью неординарной, замечательной и непредсказуемой. Так, он сам себя выдвинул на Нобелевскую премию, разослав главам ряда государств письма с просьбой поддержать его кандидатуру (ГАОО. Ф.1073. Оп.1. Д.373. Л.52). В своих произведениях он писал не только об ужасах войны, но и вскрывал её социальные причины. Большую ответственность за всё происходившее он возлагал на интеллигенцию. Обращаясь к ней, он говорил: «Вы пророки, вы передовые люди. Люди мысли должны были об этом думать раньше и должны были научить людей не делать этого» (Сорокин, 1987: 152). Упрек этот можно

считать вполне справедливым. Русская интеллигенция, действительно добровольно взявшая на себя мессианскую роль по спасению России, в то же время спокойно отсиживалась в салонах, на «башнях» совершенно иногда не понимая и игнорируя происходящее. В 1914 г. в «Омском вестнике» Сорокин опубликовал самую значительную свою вещь о войне, повесть «Хохот Желтого дьявола». Хлестко и гневно бросает он обвинения в лицо Желтого дьявола – капитала, которого считает главным виновником войны. Война представляется им как вселенское сумасшествие. И чтобы нагляднее представить весь ужас войны, Сорокин создает фантастические сцены, о том, как на окраине города открылась фабрика, на которой из трупов солдат делали желатин. Желатин этот увозили на европейский рынок. И когда на десерт подадут желе «никто никогда из гостей не узнает происхождение этого желе-желатина, никогда не узнают, как грохотали пушки, никогда не узнают как падали убитые». «Подумайте только об этом, долго думайте, и отчаяние сменится ужасом, и ужас перейдет в безумие...» (Сорокин, 1987: 138). Со страниц повести писатель снова обратился к интеллигенции: «Художники, писатели, артисты, музыканты – это вы виноваты, это вы писали картины, это вы веселили людей, это вы играли на роялях, на скрипках, это вы чеканили деньги своим трудом, и вы виноваты потому, что на ваши деньги палят пушки и взрываются бомбы» (Сорокин, 1987: 126, 138).

В целом восприятие войны сибирской интеллигенцией ничем не отличалось от восприятия её российской интеллигенцией. Ставились патриотические спектакли, перед которыми представляли фрагменты оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки, в антрактах исполнялись гимны союзников (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Устраивались выставки, на которых были представлены военные трофеи. Иркутский историк И. Серебренников отмечал, что, несмотря на свою многочисленность, интеллигенция «вся, за немногочисленными исключениями, сидит где-то по углам. И многие, многие только и делают, что зашибают деньгу. Денег, побольше денег!.. Вот, кажется, единственный лозунг, на котором объединяется большинство наших

интеллигентов» (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 3. Л. 25). Но всё же интеллигенция находила применение своим талантам. Чтобы быть понятой народом она обращалась к лубку, который быстро в наиболее доступной народу форме давал отклик на текущие военные события. Увидеть войну глазами народа пытался А. Лентулов, создавая лубки на военно-патриотические темы. Дань лубку отдали М. Ларионов, Н. Гончарова, К. Малевич, тексты составлял В. Маяковский. Выставлялись лубки на благотворительных выставках и должны были возбуждать патриотические чувства народа. Организовывались выставки лубков и в Сибири. Но критика, представленные работы оценивала негативно. «В народ брошена неэстетическая, грубо размалеванная картина», так писал критик Г. Гольдберг о выставке, состоявшейся в 1915 г. в Иркутске (ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 370. Л. 1).

5. Заключение

Вопросы войны и мира не перестанут волновать человечество никогда. К сожалению, актуальны они и сегодня. Влияние Первой мировой войны как огромного исторического события трудно переоценить. Она поменяла все жизненные уклады и устои, изменила восприятие жизни и само мироощущение человека. Ее масштабы и разрушительные последствия, миллионы погибших дают осознание трагичности любой войны. Война словно пробудила к жизни русскую интеллигенцию, находившуюся в состоянии некой протрации и растерянности после революции 1905 г. и русско-японской войны. Нужно было определиться в своей позиции и на происходящее как-то реагировать. Объединиться и выступить с единых мировоззренческих позиций у интеллигенции не получилось, слишком по-разному воспринималось ею окружающая действительность. Они были неповторимы в своей индивидуальности, и поэтому оригинальным было и проявление их самобытности. Отношение интеллигенции к войне разнилось от полного восторженного ее приятия до полного же ее отрицания. Отрезвляюще на многих подействовало столкновение с реальной жизнью и неудачи на фронте. Надежды на быструю победу сменились отчаянием и пессимизмом.

Интеллигенция Сибири не была оригинальной в своем отношении к военным действиям. Она полностью повторила опыт российской интеллигенции. Так же по мере развития событий менялось ее настроение от восторженного восприятия войны до полного разочарования в ней. И только неординарная фигура А. Сорокина, с его эксцентрическими поступками, придает некоторую оригинальность форме его протеста против войны.

Интеллигенция, занимаясь поисками новых нравственных идеалов и путей дальнейшего развития общества, в роли спасительницы России не состоялась. Оказавшись вплотную перед лицом реальных событий, она, по сути, не сыграла никакой значительной роли в формировании судьбоносных для страны решений. Лишь немногие из ее представителей пошли на фронт, совмещая это иногда с функциями военных корреспондентов. Самым распространенным вкладом в общее дело было открытие лазаретов и госпиталей, сбор денег нуждающимся демобилизованным по ранениям. В основном же интеллигенция продолжала вести привычный довоенный образ жизни: театры, выставки, вечера. «Все шло как будто своим чередом. Магазины торговали, кареты разъезжали... Театры работали весело и были переполнены» (Шаяпин, 1991: 149). Таким образом, задачи, которые творческая интеллигенция ставила перед собой, как показала сама жизнь, оказались не реализованными. Миссию свою она не выполнила, а совершившийся октябрьский переворот поставил под вопрос само существование интеллигенции как самостоятельной социальной группы.

Литература

Альманах, 2013 – Великая война 1914 – 1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: Россия в Первой мировой войне: Вып. 3. М., 2013. 160 с.

Андреев, 2014 – *Андреев Л.* В сей грозный час // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 586 – 627.

Бабореко, 1983 – *Бабореко А. К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. 2 изд. М., 1983. 352 с.

Белый, 2014 – *Белый А.* Очерки 1916 года для газеты «Биржевые ведомости» // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 174 – 240.

Блок, 1989 – *Блок А.А.* Дневник. М., 1989. 512 с.

Боровиков, 1984 – *Боровиков С.Г.* Алексей Толстой: Страницы жизни и творчества. М., 1984. 192 с.

Брюсов, 2014 – *Брюсов В.* Корреспонденции в газете «Русские ведомости» 1914 – 1915 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 264 – 406, 457 – 576.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАОО – Государственный архив Омской области.

Гиппиус, 1991 – *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. 471 с.

Гиппиус, 1999 – *Гиппиус З.Н.* Дневники: В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. 736 с.

Гиппиус, 2014 – *Гиппиус З.Н.* Статьи военных лет (1914 – 1917) // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 635 – 700.

Горький, 2007 – Публицистика М. Горького в контексте истории. М., 2007. 642 с.

Гумилев, 1991 – *Гумилев Н.С.* Сочинения в 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1991. 590 с.

Лукницкая, 1990 – *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукиных. Л., 1990. 302 с.

Маяковский, 1987 – *Маяковский В.В.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1987. 768 с.

Милиоти, 1909 – *Милиоти В.* Забытые заветы // Золотое руно. 1909. № 4. С. 5.

Михайлов, 2002 – *Михайлов О. Н.* Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М., 2002. 491 с.

Орлов, 1980 – *Орлов В.Н.* Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 726 с.

Прокушев, 1989 – *Прокушев Ю.Л.* Сергей Есенин: Образ. Стихи. Эпоха. 5-е изд. М., 1989. 349 с.

Сборник, 2013 – Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. М., 2013. 600 с.

Сборник, 2014 – Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. 880 с.

Сологуб, 2014 – *Сологуб Ф.* Статьи и очерки 1914 – 1918 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 30 – 161.

Сомов, 1979 – *Сомов К.А.* Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. 624 с.

Сорокин, 1986 – *Сорокин А.С., Вяткин Г.А.* Хохот желтого дьявола: Повесть рассказы. Возвращение: Рассказы. Иркутск, 1986. 464 с.

Толстой, 1949 – *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949.

Хеллман, Козьменко, 2014 – *Хеллман Б., Козьменко М. В.* Леонид Андреев. В сей грозный час // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. 877 с. С. 581-585.

Чуковский, 1991 – *Чуковский К.И.* Дневник (1901 – 1929). М., 1991. 544 с.

Шаляпин, 1991 – *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1991. 319 с.

Gryaznukhina et al., 2017 a – Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al. (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 625– 634

Gryaznukhina et al., 2017 b – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820.

Hellman, 1997 – *Hellman B. Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914-1918)*. By Ben Hellman. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1995. 421 pp.

Scherrer, 1973 – Scherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*, vol. 19. Berlin. 1973. 473 pp.

References

Al'manakh, 2013 – *Velikaya voina 1914 – 1918: Al'manakh Rossiiskoi assotsiatsii istorikov Pervoi mirovoi voiny: Rossiya v Pervoi mirovoi voine* [Great war 1914-1918: Almanac of the Russian Association of historians of the First world war: Russia in the First world war]. Vyp. 3. Moscow, 2013. 160 p. [in Russian]

Andreev, 2014 – *Andreev L. V sei groznyi chas // Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny*. [In this terrible hour // Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow, 2014. Pp. 586 – 627. [in Russian]

Baboreko, 1983 – *Baboreko A. K. I.A. Bunin: Materialy dlya biografii s 1870 po 1917* [I. Bunin: materials for the biography of 1870 to 1917]. 2 izd. Moscow, 1983. 352 p. [in Russian]

Belyi, 2014 – *Belyi A. Ocherki 1916 goda dlya gazety «Birzhevye vedomosti» // Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny* [Essays of 1916 for the newspaper "Exchange Vedomosti" // Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow, 2014. Pp. 174 – 240. [in Russian]

Blok, 1989 – *Blok A.A. Dnevnik* [Diary]. Moscow, 1989. 512 p. [in Russian]

Borovikov, 1984 – *Borovikov S.G. Aleksei Tolstoi: Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Alexey Tolstoy: Pages of life and creativity]. Moscow, 1984. 192 p. [in Russian]

Bryusov, 2014 – *Bryusov V. Korrespondentsii v gazete «Russkie vedomosti» 1914 – 1915 gg. // Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny* [Correspondence in the newspaper "Russian Vedomosti" 1914-1915 // Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow, 2014. Pp. 264 – 406, 457 –576. [in Russian]

Chukovskii, 1991 – *Chukovskii K.I. Dnevnik (1901 – 1929)* [Diary (1901 – 1929)]. Moscow, 1991. 544 p. [in Russian]

GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of Irkutsk region].

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State archive of the Omsk region].

Gippius, 1991 – *Gippius Z.N. Stikhotvoreniya. Zhivye litsa* [Poems. Living person]. Moscow, 1991. 471 p. [in Russian]

Gippius, 1999 – *Gippius Z.N. Dnevniki: V 2 kn. Kn. 1* [Diaries: in 2 books. Book 1]. Moscow, 1999. 736 p. [in Russian]

Gippius, 2014 – *Gippius Z.N. Stat'i voennykh let (1914 – 1917) // Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny.* [Articles of the war years (1914-1917) // Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow, 2014. Pp. 635 – 700. [in Russian]

Gor'kii, 2007 – *Publicistika M. Gor'kogo v kontekste istorii* [M. Gorky's journalism in the context of history]. Moscow, 2007. 642 p. [in Russian]

Gumilev, 1991 – *Gumilev N.S. Sochineniya v 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya i poemy* [Works in 3 volumes. Vol. 1. Poems and poems]. Moscow, 1991. 590 p. [in Russian]

Khellman, Koz'menko, 2014 – *Khellman B., Koz'menko M. V. Leonid Andreev. V sei groznyi chas // Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny.* Moscow, 2014. 877 p. P .581-585. [in Russian]

Luknitskaya, 1990 – *Luknitskaya V.* Nikolai Gumilev. Zhizn' poeta po matetialam domashnego arkhiva sem'i Lukinykh [Nikolai Gumilev. The life of a poet by materialam home archive family Lukins]. Leningrad,1990. 302 p. [in Russian]

Mayakovskii, 1987 – *Mayakovskii V.V.* Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1. [Works in two volumes. Vol.1]. Moscow, 1987. 768 p. [in Russian]

Mikhailov, 2002 – *Mikhailov O. N.* Zhizn' Bunina. Lish' slovu zhizn' dana... [Bunin's Life. Only the word of life...]. Moscow, 2002. 491 p. [in Russian]

Milioti, 1909 – *Milioti V.* Zabytye zavety [Forgotten covenants] // Zolotoe runo. 1909. № 4. P. 5. [in Russian]

Orlov, 1980 – *Orlov V.N.* Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Gamayun. Alexander Blok's Life]. Leningrad, 1980.726 p. [in Russian]

Prokushev, 1989 – *Prokushev Yu.L.* Sergei Esenin: Obraz. Stikhi. Epokha [Sergei Yesenin: Image. Verse. Era]. 5-e izd. Moscow, 1989. 349 p. [in Russian]

Sbornik, 2013 – Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika [Russian journalism and periodicals of the First world war: politics and poetics]. Moscow, 2013. 600 p. [in Russian]

Sbornik, 2014 – Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniya i materialy [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war. Publications, research and materials]. Moscow, 2014. 880 p. [in Russian]

Shalyapin, 1991 – Shalyapin F.I. Maska i dusha. Moi sorok let na teatrakh [Mask and soul. My forty years in theaters]. Moscow, 1991. 319 p. [in Russian]

Sologub, 2014 – *Sologub F.* Stat'i i ocherki 1914 – 1918 gg. // Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny [Articles and essays 1914-1918 // Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow, 2014. Pp. 30 – 161. [in Russian]

Somov,1979 – *Somov K.A.* Pis'ma. Dnevniki. Suzhdeniya sovremennikov [Letters. Diaries. Judgments of contemporaries]. Moscow, 1979. 624 p. [in Russian]

Sorokin, 1986 – *Sorokin A.S., Vyatkin G.A. Khokhot zheltogo d'yavola: Povest' rasskazy. Vozvrashchenie: Rasskazy* [The laughter of the yellow devil: a Novel stories. Return: Stories]. Irkutsk, 1986. 464 p. [in Russian]

Tolstoi, 1949 – *Tolstoi A.N. Poln. sobr. soch.: V 15 t.* [Complete works: In 15 vol.]. Moscow, 1949. [in Russian]

Gryaznukhina et al., 2017 a – *Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al.* (2017). *Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917)*. *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 625–634

Gryaznukhina et al., 2017 b – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al.* (2017). *The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes*. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820.

Hellman, 1997 – *Hellman B. Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914-1918)*. By Ben Hellman. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1995. 421 pp.

Scherrer, 1973 – *Scherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917)*. *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*, vol. 19. Berlin. 1973. 473 pp.

Первая мировая война как фактор политического инфантилизма российской интеллигенции

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^a, *,
Денис Николаевич Гергилев ^a, Лариса Федоровна Малютина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация

Первая мировая война, ее влияние на творческую интеллигенцию и отношение интеллигенции к военным событиям являются основными вопросами, поставленными в ходе исследования в данной статье. В статье рассмотрены факты из биографий наиболее выдающихся представителей

творческой интеллигенции, которые имеют непосредственное отношение к военным событиям. Используемые источники в виде архивных документов, дневников, воспоминаний показывают, что первоначальное восторженное восприятие войны по мере развития событий меняется на настроения скепсиса и разочарования. В ходе анализа фактического материала выявлена картина неоднозначного отношения к войне даже среди ее сторонников. В целом отношение к войне среди интеллигенции варьировалось от всецелого ее приятия, до полного отрицания. Интеллигенция Сибири в этом отношении оригинальности не проявила, повторив тенденции характерные для центрального российского региона. Немногие представители интеллигенции приняли реальное участие в военных действиях. В основном сфера их деятельности ограничивалась статьями в периодической печати, чтением стихов на различных собраниях, сбором средств для раненых, открытием лазаретов и госпиталей. В силу своей разобщенности и оторванности от жизненных реалий творческая интеллигенция не смогла существенным образом повлиять на общественно-политическую ситуацию в стране и соответственно выполнить добровольно возложенную на себя функцию по определению дальнейших путей развития России.

Ключевые слова: интеллигенция, творчество, культура, политический инфантилизм, Россия, Сибирь, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), turilak@yandex (Д.Н. Гергилев), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)